

Елизавета Офросимова

НИНОЧКА

Елизавета Офросимова
НИНОЧКА

Елизавета Офросимова **НИНОЧКА**

Мы возвращаем в детскую библиотечку незаслуженно забытые произведения ушедших времён, и пусть книжная полка, на которой наши прабабушки и прадедушки хранили самое ценное, станет и нашей **Заветной полкой.**

Весёлые затеи и озорные проделки маленьких героев старых повестей, их беды, надежды и радости будут и сегодня интересны мальчикам и девочкам не меньше, чем их сверстникам в далёком прошлом.

Светлая повесть о жизни шестилетней своенравной Ниночки и её семьи написана русской писательницей конца XIX – начала XX века Елизаветой Офросимовой.

ISBN 978-5-91921-118-1

9 785919 211181

Елизавета ОФРОСИМОВА

НИНОЧКА

Художник Е. Володькина

Москва

ЭНАС-КНИГА

2012

УДК 82-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)
О-91

ISBN 978-5-91921-118-1

© Е. Володькина. Иллюстрации, 2012
© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2012

Глава I

ССОРА

Их было двое: Люся и Нина. Люся – девятилетняя худенькая блондинка с пушистыми волосами, и шестилетняя Нина – неуклюжая тёмненькая толстушка, с плутовскими глазками и вечно грязной мордочкой, смешно передвигавшаяся на своих коротеньких толстых ножках.

Ласкали и хвалили Ниночку довольно редко; гораздо чаще ей порядком-таки перепало и от няни Ариши, и от мамы, и от своей бездетной тёти Маши, которая

жила в доме и придерживалась простых взглядов на воспитание. В её комнате, в углу за зеркалом, всегда можно было найти небольшой пучок розог, перевязанный красной ленточкой.

Толстенькая Нина враждебно относилась к этому углу.

– А что, Ниночка, признайся, ведь правда, изящно, – указывая на розги, поддразнивал девочку её двоюродный брат Коля, шустрый черноволосый и черноглазый мальчик лет девяти.

Летом он обыкновенно приезжал гостить на дачу к Нине и Люсе, с которыми был чрезвычайно дружен, несмотря на частые ссоры и временами даже драки.

Тётя Маша умела предупреждать ссоры, засаживая мальчика за какую-нибудь серьёзную арифметическую задачу, а Нину отсылала убирать её угол с игрушками. Но в тот день, когда начинается наш рассказ, тёти Маши, к несчастью, в комнате не было.

Шёл мелкий дождь, в саду было сыро и грязно, и мамы запретили детям играть на воздухе.

Коля был не в духе. Книги казались ему сегодня скучными, картинки для вырезывания надоели. Ниночка сидела тут же и смущённо поглядывала на свой мокрый передничек и новые сапоги, почти доверху вымазанные мягкой грязью.

Несмотря на строгое запрещение Ариши, она уже успела обегать все лужи в саду и теперь серьёзно обдумывала, как бы помочь горю. В саду она пробовала обтереть сапоги передником, а затем застирать передник в кадке с водой, но, разумеется, ничего хоро-

шего из этого не вышло, и теперь, вся мокрая и грязная, она сидела на диване у тётки.

– Нечего сказать, хороша, – брезгливо заметил Коля, старательно отодвигаясь подальше на диване. – А посмотри-ка в тот угол за зеркалом! Видишь, как оттуда некий предмет на тебя особенно умильно поглядывает? Не предчувствуешь ли ты, Ниночка, что сегодня, именно сегодня...

Коля нарочно растягивал слова...

– Да, предчувствую, и что именно сегодня! – сердито воскликнула Ниночка, залепила брату оплеуху своей толстенной мокрой лапкой и со всех ног пустилась бежать, хорошо зная, что теперь пощады не жди и что трёпка ей будет порядочная.

– Грязными-то лапами! – разозлился Коля и, наскоро отирая с лица следы липких пальчиков Нины, бросился за ней.

Девочка, видя, что Коля её нагоняет, принялась громко реветь и с разбегу наскочила на Аришу, как раз в ту минуту, когда нянька входила из кухни с целым блюдом черники в руках. Блюдо покачнулось, черника рассыпалась по полу, и начался общий гвалт, к несказанному удовольствию подоспевшего Коли.

– Боже, до чего же несносен этот ребёнок! – с возмущением заметила по-французски тётя Маша, сидевшая в столовой; она не терпела крика и суеты, а потому, наскоро захватив свою газету и папиросы, быстро ушла в свою комнату.

Её сестра, Соня, только грустно вздохнула. Она была матерью девочек и потому не могла, забрав газету и папиросы, спокойно удалиться в свою комнату; к тому же она и не курила.

– Боже мой! Что тут случилось, Ариша? – нетерпеливо спросила она, высовываясь из своей спальни.

– А вот полюбуйтесь, барыня, в каком они виде! – не без злорадства указывала на девочку нянька Ариша. – А ведь только сегодня утром я выдала им чистый передничек и новые сапоги!

Когда Ариша сердилась на Ниночку, то всегда говорила о ней почему-то не иначе, как во множественном числе.

Действительно, «они» были в ужасном виде. Мама с трудом удерживалась от смеха. Однако, сдвигая брови, она спросила как можно строже:

– В чём дело?

Но при виде чумазой мордочки Нины, казавшейся ещё грязнее от пролитых слёз, мама тотчас же добавила:

– Где носовой платок?

Ниночка стояла перед ней, усердно шмыгая носиком и виновато поглядывая на свои новые сапоги и спавшие чулочки.

– Пусть они вам, барыня, свой карман покажут, – ехидно предложила Ариша. – Я им ещё сегодня туда сама платочек положила.

– Карман! – лаконично приказала мама.

Бедная девочка начала в замешательстве обшаривать свой карман. Он оказался туго набитым: несколько кам-

ней, немного песку и земли, Аришина медная пуговка, раковина с какой-то тёмною слизью внутри, кусочек старого сухаря и две тянучки. Но платка, увы, не оказалось. Желая как-то выйти из критического положения, Нина с отчаянием подобрала подол своего передничка, быстро высморкалась в него и тут же наскоро утёрла им грязное личико.

– Боже, что за невозможный ребенок! – воскликнули в один голос няня Ариша и мама, а Коля при виде трагического положения своей приятельницы разразился громким хохотом.

К счастью, в эту минуту на выручку Нины появилась из детской серьёзная, всегда опрятная Люся. В чистеньком передничке, с гладко причёсанными косами, она тихонько подошла к девочке, осторожно взяла её замусоленную ручку и властно увлекла за собой в детскую.

Там Нина покорно предоставила себя заботам старшей сестры. Ниночка не любила мыться, тем более что Люся относилась к своей обязанности очень добросовестно, стараясь вымыть её личико, как говорится, «на совесть»!

Наконец скучная процедура мытья окончена, и Ниночка сразу повеселела.

– А теперь расскажи мне, что случилось, – начала Люся, взяв её за обе руки и заботливо заглядывая в её личико. – Тебя обидел кто-нибудь? Коля обидел, да?

– Да, он ужасно обидел меня, – с покорностью жертвы ответила Нина.

– Но что же он сделал? – тревожно допытывалась Люся.

– Я не очень-то хорошо помню... Но, знаешь, какую я ему пощёчину залепила и какую он при этом рожу скорчил!

Ниночка старалась показать, какую именно рожу скорчил Коля, и это вышло так уморительно, что и благоразумная Люся была не в силах удержаться, и обе сестры залились разом громким смехом.

Этот весёлый, искренний смех донёсся через окно детской в сад, где важно разгуливал Коля. Он напустил на себя равнодушный вид, но, в сущности, давно

уже с нетерпением ожидал появления сестёр. Ведь дождик перестал, дорожки высохли, в синем небе солнышко светит. Хорошо бы теперь в рощицу за малиной сбегать!..

Глава II

У НИНОЧКИ БОЛИТ СЕРДЦЕ

– Скажи, прелестное создание, почему ты сегодня не в духе? – спросил Коля, войдя утром в детскую.

Люся, чисто умытая и с гладко зачёсанными косами, была уже почти готова. Ариша застёгивала на ней платье и передничек. А Ниночка с распущенными волосами, в одной нижней юбке мрачно сидела на своей кровати и болтала голыми ножками. Прелестное создание только угрюмо посмотрело в сторону мальчика, но не удостоило его ответа.

– Не приставай, Коля, – вступилась за сестру Люся, – Ниночка сегодня нездорова.

– Нездорова? – протянул недоверчиво Коля. – Что же у неё болит?

– Пожалуйста, говори потише, у меня болит сердце, – серьёзно ответила Ниночка.

– Сердце? Вот так штука! А где у тебя сердце, Ниночка?

– Глупый мальчик не знает, где сердце! – и девочка важно показала на правый бок, пониже желудка.

– Так вот где! – громко расхохотался Коля. – Ну, теперь понимаю! Тётя Маша, у Ниночки сердце болит! – громко кричал Коля, выбегая из детской на балкон, где сидела тётка и спокойно читала газету за утренним чаем.

– Какой противный мальчишка, вечно дразнит! – не вытерпела Ниночка.

– Не обращай на него внимания, – заметила Люся, – он всегда такой! Но ты, Ниночка, лучше сама во всём сознайся тёте Маше... Будь паинька, прими лекарство, всё и пройдет. Хорошо? К мамину приезду ты будешь совсем здорова, а она нам наверняка что-нибудь вкусное из города привезёт.

– Нет, ни за что! – энергично замотала головой Нина.

В эту минуту в дверях детской показалась тётя Маша:

– Ариша, что такое с Ниной, как ты думаешь?

– А тут, барышня, и думать нечего. Известно уж, что у неё за болезнь такая, почитай, отродясь всё одно и то же!

– Опять обЪелась?

– А вот вы спросите ихнего братца, они вам скажут, – шипела нянька.

– Я! – Коля густо покраснел. – При чём тут я?

– А кто её намедни за малиной сманил? Кака така теперь ягода, известно, зелень одна!

– Ах, вот оно что! – тётя Маша строго посмотрела на мальчика. – Ну, с тобой мы поговорим потом. Отправляйся в классную и садись за немецкий перевод. А ты, Нина, сейчас же примешь лекарство! Ариша, неси касторку!

Коля, несмотря на строгое приказание тётки, не спешил к своему переводу. Он спрятался за толстую спину Ариши и выглядывал оттуда, ожидая с огромным любопытством, чем всё это кончится. В сущности, ему было жаль сестрёнку.

– Ну, пузырь, открывай рот! – скомандовала тётя Маша, не любившая нежностей.

Она подняла ложку с густой, липкой жидкостью к ротику Нины, но девочка выставила вперёд обе толстые ручки, плотно закрыла губы и, зажмурив глаза, отчаянно замотала головкой. Ложка опрокинулась, и касторка

залила платье тети Маши, к несказанному удовольствию обоих наблюдавших детей.

– Нет, видно, тут уговором не возьмёшь, – сказала тётя Маша. – Ариша, берите ребёнка.

Нянька быстро подхватила на руки отбивающуюся девочку, а тётя Маша привычным движением ловко зажала ей нос, и бедная Нина поневоле должна была проглотить целую ложку касторки.

– Не смей выплёвывать! – строго приказала тётя Маша, поспешно вытирая заплаканную мордочку мокрым полотенцем. – Не смей, Нинка, слышишь? А то сама знаешь, там в моей комнате, за зеркалом...

Ниночку уложили в постель и прикрыли одеяльцем.

– Всего на два часа, – успокаивала тётя Маша, – а пока Люся посидит около тебя.

– О да, разумеется, – поспешно согласилась девочка. – Я буду шить платье твоей Дарье!

Тётя Маша собралась уходить, но Ниночка снова позвала её:

– Тётя Маша, тётя Маша, поди сюда!

– Ну, что ещё? – спросила тётя нетерпеливо. – Ты мне, Нинка, надоела сегодня, говори скорее!

– А Коля теперь где? – спросила Ниночка.

– Вероятно, в классной занимается.

– А ты ему длинный перевод дала?

– Разумеется, длинный.

– А знаешь, тётя, ты ему покороче дай... – и пухленькие ручки плотно обвились вокруг тётиной шеи.

Люся моментально повисла на ней с другой стороны:

– Милая, дорогая тётечка, прости Колю на этот раз, он такой добрый, хороший, всегда заступает за Нину. Право же, он только немножко, совсем немножко виноват был.

– Ну хорошо, хорошо, заступницы, – смеясь и отбиваясь, ответила тётя. – Вы меня чуть совсем не задушили! Ладно, так и быть. Скажите вашему братцу, чтобы он проваливал, да только чтобы книги не забыл убрать, – прибавила она, уходя из детской.

Бедный Коля между тем угрюмо сидел над своим немецким переводом. Большая классная комната помещалась в теневой стороне дачи. Высокие, густые липы не пропускали туда солнечных лучей, и в комнате всегда царил зелёный полумрак.

– Что это, право, за длиннющие слова эти проклятые немцы выдумывают! – ворчал мальчик и снова чуть ли не двадцатый раз принялся перечитывать первое предложение.

Но в эту минуту дверь широко распахнулась и целый сноп света ворвался в мрачную комнату. В сиянии этого света стояла Люся. В беленьком кисейном платице она походила на маленькую фею, слетевшую к несчастному узнику.

– Коля, Коля! – захлёбываясь от восторга, заговорила девочка. – Тётя Маша позволила: бросай всё, ты свободен!

– Правда? – мальчик не верил своим ушам.

– Да, да, честное слово! И знаешь, ведь это всё Нина устроила, она упростила тётю!

О себе Люся ничего не сказала.

– Вот так фунт! – воскликнул мальчик. – Ай да Нинка! Я ей за это такого жука принесу!..

И от избытка чувств Коля подбросил немецкую книгу и тетрадь.

– Только ты сейчас не ходи к Нине, – предупредила девочка, – она, кажется, уснула.

– Ладно, ладно! – и узник поспешил оставить свою тюрьму.

Разрозненные листки тетрадки разлетелись по всему полу, тут же валялся и учебник, но мальчику некогда было думать о таких пустяках. К тому же он знал, что в классной оставалась маленькая фея, а добрые феи для того и существуют, чтобы помогать в затруднительные минуты.

Глава III

НИЩАЯ

На другой день ожидали приезда мамы. Няня Ариша побаивалась барыню, потому разбудила детей раньше обычного, выдала всем чистое бельё и передники и очень долго, хотя совершенно безуспешно, приглаживала щёткой непокорные вихры маленькой Нины.

Дети тоже принялись «наводить чистоту», как выражалась тётя Маша не без некоторой иронии.

У каждой из девочек был свой угол в столовой. Аккуратной Люсе отвели место между окном и буфетом. Девочка устроила там настоящую маленькую комнатку, где стояла кровать «беленькой Наташи», любимой Люсиной куклы. Кисейное одеяло и накидки на розовых чехлах были старательно выглажены самой девочкой, а на постели важно восседала кукла с лентой в длинных косах и пышно накрахмаленном платье. Дети называли её «беленькой» за пушистые светлые волосы.

Угол Ниночки был между письменным столом и большой оттоманкой*. Там царили совсем другие порядки: стол оказался довольно скоро залитым чернилами, а на оттоманку нельзя было больше садиться, поскольку Ниночка очень любила в сырую погоду готовить на ней пирожки из глины. А ещё там жила Ниночкина кукла – «несчастливая Дарья». Это прозвище выдумал Коля, и как ни сердилась Ниночка, оно так за ней и осталось.

Действительно, бедная Дарья недаром называлась «несчастной». Много горя пришлось ей претерпеть на своём веку. Сколько раз её забывали в саду, и она целую ночь проводила брошенная где-нибудь у балкона, под дождём! Однажды она очутилась у самого курятника на заднем дворе; её нашел там кудлатый щенок Трезорка и долго таскал по двору в зубах, пока, наконец, кухарке Палаше не удалось силой отобрать у него бедную куклу.

* Оттоманка – широкий диван без спинки.

Теперь у Дарьи недоставало левой ноги, а правая рука болталась сбоку, еле-еле держась на одной ниточке, и при каждом движении из неё сыпались опилки.

– Ну, куда ты теперь с ней денешься? – дразнил сестру Коля. – Её теперь ни в одну гимназию не примут!

– Моя Дарья учиться не будет: у неё нет памяти! – быстро нашлась девочка. – Знаешь, Люся, я надеюсь на Дарью передник, она будет кухаркой у твоей

Наташи, хорошо? А жалованье она должна приносить домой, ко мне!

– Ай да рассудила, даром что маленькая! – заметила Ариша. – И в кого ты только такая жадина растёшь?

Ниночка и правда была скуповата, в этом отношении она нисколько не походила на Колю и Люсю. Эта черта девочки глубоко огорчала тётю Машу. Сегодня, в день приезда сестры, ей как раз представился случай убедиться ещё раз в печальном недостатке племянницы.

В минуту самого разгара генеральной уборки в кухню к Палаше вошла нищая с тремя детьми. Две девочки лет семи-восьми шли рядом с ней, третьего ребёнка женщина несла на руках. Все четверо имели болезненный вид, жалкие лохмотья едва прикрывали худенькие плечики девочек.

Тётя Маша тотчас же велела накормить их, надавала им провизии с собой и помогла деньгами. Женщина рассказала, что у них сгорел дом, во время пожара у неё погиб муж, сама потеряла всё, что имела, и теперь нищенствует.

Выслушав женщину, тётя Маша отправилась к детям и рассказала им о судьбе несчастных. Люся и Коля тотчас же высыпали перед тёткой все деньги из своих копилочек. Одна Ниночка медлила и делала вид, что позабыла, куда запрятала свою копилку. И очень обрадовалась, когда тётя Маша объявила, что денег не нужно, а полезнее собрать что-нибудь из одежды.

Люся была готова отдать все свои вещи, её пришлось удерживать. Коля искренне сожалел, что, кроме

старой фуражки, он ничего не мог предложить – ведь он приехал ненадолго и с собой захватил только самое необходимое. Ниночка долго перебирала в шкафу свои платица, но никак не могла решиться расстаться с ними. Кончилось тем, что маленькая скупердяйка отложила всего один батистовый передничек, наполовину изорванный и весь залитый чернилами.

Тётя Маша не взяла его.

– Отдай Арише на тряпки, – сухо заметила она и отвернулась.

Между тем, к большому удовольствию Люси и Коли, вещей собралось довольно много, тётя Маша прибавила ещё кое-что из своего комода и начала связывать все отложенные вещи в большой узел.

– Знаешь, тётя, – заметила Люся, – хорошо бы было прибавить сюда ещё немного игрушек для детей. Наверное, во время пожара у них и игрушки все сгорели, – добавила она деловым тоном взрослой.

– О да, наверное, – улыбнулась тётя Маша, – это ты отлично придумала, мой друг; тащи, что найдешь!

Люся побежала в свой угол и скоро вернулась оттуда с двумя складными картинками, маленьким красным мячиком и старой восковой куклой, которую тут же передела в чистое платье. Коля притащил всё своё богатство: любимое деревянное ружье, железную лопату и большой мячик, только что подаренный ему матерью.

Тётя Маша ласково погладила кудрявую головку своего любимца:

– Этого не нужно, голубчик. На что им лопата и ружьё, ведь они девочки! А мячика и Люсиного довольно. Твоя мама обидится, если ты отдашь её подарок.

Коля был огорчён: ему так хотелось дать что-нибудь свое!

Ниночка, сопя, обдумывала, что бы такое дать, чтобы от неё, наконец, отвязались. В её углу было пусто, если не считать разных камней, щепок и сомнительной чистоты тряпок. На самом видном месте стояла старая картонка, из которой Коля смастерил кровать для несчастной Дарьи. Ниночка находила её восхитительно красивой.

«Её, что ли, дать? – подумала она, вздыхая; пример Люси немного задел Ниночку. – Но где же тогда будет спать несчастная Дарья? Нет, только не картонку!»

И подобрав подол своего передника, девочка стала накладывать туда всякий хлам, которым когда-то дорожила, но теперь готова была и бросить: старые коробки из-под спичек и папирос тёти Маши, какие-то пустые пузырьки, безногого и безрукого бумажного паяца, ненужные пробки.

– Куда ты, матушка, такой мусор потащила? – остановила её нянька. – Хламу-то и грязи у них, чай, и без того хватает!

Тётя Маша заглянула в передник девочки и холодно заметила:

– Няня права. Отнеси, Нина, всё это на кухню, пусть Палаша выбросит.

Коля не удержался, чтобы не сунуть нос в приготовленные младшей сестрой «подарки», и расхохотался:

– Нина, душа моя, к чему такая расточительность! Неужели ты решилась расстаться с такими прелестями!..

– Перестань! – одёрнула его тётя Маша и обернулась к Нине:

– Очень глупо думать, что можно делать добро и оказывать помощь людям, предлагая им то, что нам самим уже больше ни на что не годится. Например, старые, драные передники или пустые коробки!

Ниночка густо покраснела, надула губки и молча направилась в свой угол.

Досаднее всего было то, что это случилось при Коле; теперь проходу не будет от противного мальчишки, и даже Люся не станет выручать её. Ниночка отлично видела, как неодобрительно качала головой старшая сестрёнка.

А между тем у калитки сада показалась нищая со своими детьми. Палаша накормила и напоила их на кухне, но прежде чем уйти, они хотели поблагодарить добрую барыню. Тётя Маша вынесла им заготовленный узел.

Коле опять стало жалко, что он ничего не может дать от себя, но вдруг счастливая мысль озарила мальчика. Коля вспомнил, что в его комнате под подушкой лежит большой апельсин. Он припрятал его, рассчитывая после завтрака с наслаждением съесть в саду.

Теперь мальчик знал, что у него есть нечто своё, и был счастлив. Быстро схватив апельсин и потрясая им в воздухе, он с восторгом помчался в сад.

– Тётя Маша, – кричал он, – тётя Маша, а вот это от меня, от меня!

– Коля, ведь ты мне обещал половину, – плаксиво запищала ему вслед Ниночка и, не вытерпев, бросилась за ним.

Но брат не слушал её.

– Жадина! – донёсся из сада его негодующий возглас, и девочка с сокрушённым сердцем увидела, как апельсин исчез в мешке маленькой нищей.

Глава IV

МАЛИНОВЫЙ КРЕМ

Мама приехала в четыре часа и прямо к обеду. Оглядев детей и убедившись, что все целы и невредимы, она с облегчением начала снимать шляпу и перчатки, радуясь, что наконец опять вернулась на дачу.

– В городе такая пыль и духота!

– Пойдёмте обедать! – предложила тётя Маша; и все отправились на балкон, где был накрыт стол; посреди не его красовался большой букет из полевых цветов, собранный детьми ещё утром ради приезда мамы.

Палаша хотела отличиться перед барыней и на третьем приготовила прелестный малиновый крем.

– Ах! – вырвалось у Ниночки, когда блюдо появилось на столе, от наслаждения она даже глазки зажмурила.

– Соня, – раздался спокойный голос тёти Маши, – Нине не следует давать крема; она вчера была нездорова, объелась, по обыкновению.

– Бедный ребёнок, – заметила мама и начала тихонько целовать глазки младшей дочери, из которых так и посыпались крупные слёзы.

– Да, несчастный ребенок, – всё тем же тоном продолжала тётя Маша, накладывая себе крема, – целый день ревёт, объедается, капризничает! Я бы на твоём месте, Соня, чем-нибудь наградила её за это.

– Она маленькая, – примирительно сказала мама и, обняв девочку, начала нежно утешать её. – Не плачь, моя крошка, когда поправишься, я опять закажу такой же крем, а теперь посмотри, что у мамы есть...

Мама велела Арише принести её саквояж. Через минуту из него были извлечены несколько номеров газет, два французских романа, немного сладостей для детей и маленькие подарки. Коля получил книжку сказок, а девочки – прехорошенькие эмалированные ручко-нички для кукол.

Люся была в восторге:

– Теперь у меня будет настоящий умывальный столик для моей Наташи, и я могу мыть её каждый день.

– Нельзя так часто мыть детей, – авторитетно заметила Нина.

– Это ты мыться не любишь, а детей непременно нужно мыть каждый день, – горячо спорила с ней Люся, – только жаль, что у нас нет маленького ведра, куда выливать воду.

Между детьми тут же было решено приобрести такие вёдра на свои собственные средства, и они стали просить маму отпустить их в соседнее село, где находилась большая лавка.

Палаша отправилась с детьми. Весело болтая и шутя, они незаметно добежали до лавки. Знакомый приказчик поставил перед ними два небольших игрушечных ведёрка. Одно было попроще и подешевле, из белой жести, другое – побольше, хорошенькое, выкрашенное голубой краской, но зато и значительно дороже.

Как тут быть? Люся посоветовалась с сестрой. Практичная Ниночка быстро решила:

– На что нам два ведра, Люся? У моей Дарьи на-сморг, доктор не велел её часто мыть, и для нас обеих вполне хватит одного ведра. Только возьми то, которое побольше!

Приказчик с любезной улыбкой передал Люсе голубое ведро.

Ниночка была в восторге, что так хорошо устроила свои дела: она не истратила ни копейки и приобрела новую игрушку.

Снаружи, перед витриной стоял Коля. За стеклом висел предмет его заветных желаний – складная удочка с красным поплавком, о которой так давно мечтал мальчик! Но, увы, тут же висела обозначенная на ярлыке цена: «60 коп.»

Коля с грустью ощупывал свой кошелёк в кармане. Ему не хватало целых тридцати копеек. Вот досада-то! А между тем воображение мальчика уже рисовало ему картину чудесной рыбалки на берегу речки, что течёт рядом с дачей...

– Коля, пойдём, мы уже купили, на что ты тут за-смотрелся?

Люся удивлённо смотрела на брата, она редко видела его таким расстроенным. Коля с грустью поведал, в чём дело.

– Люся, голубушка, – закончил он, – сколько у тебя ещё осталось денег? Может быть, хватит на удочку? Одолжи мне, пожалуйста, я опять скоплю и отдам тебе.

Люся с удовольствием и так бы отдала; она так искренне желала помочь брату, но у неё после покупки ведёрка оставалось всего 10 копеек.

– Знаешь, у Нины есть деньги. Давай попросим у неё, – робко предложила девочка и тотчас добавила: – Я ей за это моего фарфорового зайчика подарю, он ей так нравится.

– Не стоит и просить; всё равно не даст, – уныло ответил мальчик и грустно отошёл от витрины.

– Давай всё же попробуем!

Но напрасно Люся предлагала сестре своего зайчика, напрасно изощрялся в красноречии Коля, обещая, что самую большую щуку он подарит ей. Ниночка была непоколебима. Зажмурив, по обыкновению, глаза и заткнув пальчиками уши, она решительно мотала головой.

– Нет, нет, – упорно твердила она и, боясь, что Коля вздумает силой отнять у неё деньги, плотно зажала в ладони свои медяки.

– Злая, жадная девчонка! – в сердцах бросил мальчик и отвернулся от неё.

На обратной дороге не слышно было ни весёлых шуток, ни смеха. Дети шли молча, понуря головы. Коля ещё раз грустно оглянулся на лавку и вздохнул. Люся ничего не говорила, но её большие глаза так серьёзно и укоризненно смотрели на Ниночку, что девочке стало не по себе, она отвернулась и, надув сердито губки, пошла вперёд, не оглядываясь на брата и сестру.

Дома тётя Маша и мама уже ждали детей на балконе. На чайном столе были расставлены домашние, ещё горячие булочки, свежее сливочное масло и большая кринка густого деревенского молока.

Доро́гой дети успели проголодаться и, несмотря на несколько удручённое настроение, тем не менее с удовольствием уселись за стол.

– Палаша, кажется, от обеда ещё немного крема осталось? – спросила мама. – Ты бы подала его на стол.

Но Палаша объявила, что по оплошности позабыла вынести после обеда крем в ледник, и он как будто немного скис. Упаси Бог, вреда бы кому не было.

– Да, разумеется, – тотчас же согласилась мама. – Если тебе показалось, что скис, лучше выбросить. Но где же Ниночка?

Мама только сейчас заметила, что младшей дочери за столом не было. Сначала и она, и тётя Маша не обратили на это внимания, полагая, что Ариша увела девочку в детскую мыть руки, но с тех пор, как вернулись дети, прошло уже четверть часа. К тому же на столе стояли любимые Ниночкины булочки, а девочки всё не было!

Обеспокоенные, все бросились искать Ниночку, обежали весь дом и двор, но, к общему ужасу, девочки нигде не было.

Мама, бледная, с побелевшими губами, стояла на балконе и держалась за сердце. Страшная мысль мелькнула в её голове. Обезумевшая от беспокойства женщина пошатнулась, подняла руки к вискам и бросилась на двор.

– Колодец не закрыт... Погибла... – вырывались у неё отрывочные слова.

Не помня себя, она бежала мимо курятника, мимо ледника – туда, где погибал её несчастный ребенок! За ней в ужасе кинулись остальные домочадцы.

Вот и колодец. Глухой стон вырвался из груди мамы. Предчувствие её оправдывалось: крышку забыли спустить, колодец стоял открытым...

Среди всеобщей паники один Коля ни минуты не сомневался, что Ниночка живёхонька и ни в каком случае не упала в колодец. «Она слишком умна для этого, – не без основания думал Коля. – И к чему ей в колодец лезть? Она и днём-то его обходит. Нет, тут что-то не то!»

Мальчик ещё раз обошёл сад, двор, курятник, заглянул в чулан под балконом и, наконец, в нерешительности остановился в кухне. Посреди стола стояло круглое блюдо из-под малинового крема; оно было пустое, и на нём виднелись ясные следы маленьких пальцев!

Догадка как молнией озарила мальчика: Нина спряталась где-то в укромном уголке и доедает остатки крема, которого её лишили за обедом!

Коля перескочил через соседний плетень и вихрем понёсся мимо ледника и колодца, прямо на дальнюю лужайку, которая оканчивалась узкой, но довольно глубокой канавой, заросшей по краям папоротником, чертополохом и разным мелким кустарником. Эта канавка служила тайным местом Коли и Нины, о котором не знала даже Люся.

Привычным движением мальчик раздвинул кустарник и одним прыжком очутился на дне канавки. Вот и Ниночка!

Между тем ничего не подозревавшая тётя Маша решила спуститься в колодец. Она прекрасно ныряла и почему-то была убеждена, что если ещё не поздно, то, кроме неё, никто не спасёт ребёнка. Дворник Порфирий уже обвязал вокруг её талии толстую верёвку.

В эту самую минуту со стороны лужайки раздалось громкое, торжествующее «ура!»

– Это Коля! – радостно воскликнула Люся.

– Ура, ура! – послышалось ещё громче. – Нашёл, сюда! Скорей!

И вдруг за этим ликующим голосом раздался не менее громкий и всем хорошо известный детский плач. Мама метнулась к лужайке, откуда неслись эти райские, по её мнению, звуки. За ней последовали тётя Маша с Люсей, Ариша с Палашей и дворник Порфирий.

У самой канавки с торжествующим видом стоял Коля. Он таки нашёл свою милочку и теперь всеми силами старался удержать её. Милочка неистово орала, царапала ему руки и отчаянно отбивалась, надеясь улизнуть от предстоящего суда. Но мальчик стоически выносил все её нападки и крепко держал за руку.

Расчёт его вполне оправдался: Ниночка, поджав ножки и почти сплошь прикрытая широкими листьями папоротника, сидела в мокрой траве и что-то поспешно запихивала себе в рот. Руки, личико и платье девочки

были густо измазаны малиновым кремом. Ниночка потихоньку стащила его в буфете и унесла попросту в руках, сколько могла удержать, полагая, что в минуту опасности можно обходиться и без тарелок и ложек.

– Тётя Соня, тётя Соня, вот твоё сокровище, – кричал Коля, – любуйся! Только предупреждаю: она до того прекрасна, близко лучше не подходить!

Но какое дело было маме до таких мелочей! Она с блаженством смотрела на девочку и, опустившись на колени, крепко прижимала её к своей груди, не сдерживая счастливых слёз.

Тётя Маша хотела что-то сказать, но только молча махнула рукой и отошла в сторону. «Как, однако, нелепы бывают эти матери! – подумала она. – Нинку следовало бы хорошенько выдрать, и притом сегодня же, не откладывая. Так ведь мать не даст! А жаль, была бы польза...» Она вынула маленький серебряный портсигар, зажгла папиросу, затянулась и пошла по направлению к дому.

Глава V

ДЕТИ СОБИРАЮТСЯ В ГОСТИ

На другой день Ниночка проснулась ранее обычного. Под утро ей приснился странный сон. Она видела огромную серебряную щуку, ту самую, вероятно, которую Коля собирался поймать для неё. Рыба укоризненно качала головой, а глаза у неё были большие и тёмные, точь-в-точь как у Люси... Ниночке стало страшно, и она проснулась.

За окном было ещё темно, и в доме царила полная тишина, даже на кухне ещё не было слышно обычной возни Палаши. «Верно, ещё рано», – решила Ниночка и, повернувшись на другой бок, попробовала опять заснуть. Но девочке что-то не спалось сегодня.

Ей снова пришла в голову вчерашняя удочка и вспомнилось огорчённое лицо брата. Голубое ведёрко стояло рядом на комоде. Ниночка бросила на него

равнодушный взгляд и сейчас же отвернулась. Вопрос, будет ли Коля играть с ней или нет, гораздо больше интересовал её в эту минуту, чем всё остальное.

Потом она припомнила, что вчера вечером, вернувшись домой, она куда-то забросила свои медяки. Но куда? Девочка тихонько приподняла головку и покосилась в сторону Ариши. Старая нянька громко храпела. Ниночка осторожно соскользнула с кровати и босиком побежала в столовую.

Какое счастье! Медяки лежали беспорядочной кучкой на подоконнике, в её углу. Ниночка считать не умела, она раскладывала свои копейки рядом и радовалась, когда благодаря новым сбережениям дорожка из них выходила всё длиннее и длиннее. Такое занятие обычно очень занимало её. Но сегодня вид денег почему-то не доставлял ей обычного удовольствия.

«Какие глупые копейки! – рассердилась Ниночка. – И какие они грязные стали, – вдруг заметила она, – их непременно следует вымыть!»

Девочка искренне обрадовалась этой новой затее; она поспешно налила воды в свой игрушечный ручной мойник, опустила в чашку медяки и затем серьёзно принялась обдумывать, чем бы теперь обтереть их. Но тут за стеной послышался громкий кашель тёти Маши, в кухне скрипнула дверь, раздались чьи-то шаги... Девочка засемила обратно в детскую и юркнула в постель, забыв про свои деньги; они так и остались мокнуть в маленькой эмалированной чашке её ручного мойника.

Двумя часами позднее Люся случайно заглянула в угол сестры и была крайне удивлена, найдя все её деньги в чашке с водой. Она бережно вытерла их и спрятала обратно в копилку. Люся ожидала, что Ниночка непременно спохватится, но на этот раз сестра за весь день ни разу не вспомнила о деньгах: она действительно позабыла о них, первый раз в жизни!

Коля был также несколько удивлён поведением сестрёнки: Ниночка обращалась с ним сегодня почему-то особенно мягко и даже вежливо.

Впрочем, сегодня все трое были в несколько приподнятом настроении, так как после завтрака им предстояло в первый раз идти в гости к одной институтской подруге мамы, баронессе фон Фолькенштейн.

Капа, или Капочка, как её чаще звали в молодости, и настоящая баронесса, Клеопатра Ивановна фон Фолькенштейн, воспитывалась когда-то в одном институте вместе с мамой и была её приятельницей. Но впоследствии жизнь обеих женщин сложилась так различно, что постепенно они начали встречаться всё реже и реже и, наконец, с годами перешли даже на «вы». Этим летом баронесса переехала в прекрасную виллу по соседству с дачей Софьи Павловны и пожелала снова возобновить старое знакомство, главным образом ради сына.

Рано утром мама получила от баронессы надушенную записку на серой атласной бумаге с приглашением на шоколад по случаю именин её сына Василия. «Mon cher Basile, – писала баронесса, пересыпая свою записку французскими словами, – sera si heureux* познакомиться с вашими очаровательными детьми!»

Детям было и весело, и как будто немножко страшно. Впрочем, некоторый страх испытывали только Коля и Люся, Ниночка была совершенно спокойна; она всюду чувствовала себя как дома и решительно нигде не стеснялась.

Мама прочла ей длинную нотацию о том, как следует держать себя в чужом доме. Тётя Маша убедительно

* Мой дорогой Базиль... будет так счастлив... (франц.)

просила не объедаться и не обтирать все заборы чистым платьем, не ковырять в носу, почаще сморкаться в платок, а Люся несколько раз заставляла её делать реверанс, но совершенно безуспешно: короткие, толстые ножки Ниночки не подчинялись никаким правилам.

Детей нарядили в чистые платья, Коля надел новый костюм, Ариша повязала самый красивый чепец, и, наконец, все были готовы.

Мама и тётя Маша вышли провожать детей на балкон, наскоро напутствуя их последними внушительными наставлениями: «С ножа не есть, ногами под столом не болтать, на стуле не качаться» и так далее.

Коле не терпелось поскорее познакомиться с Васей фон Фолькенштейном. По его мнению, каждый мальчик был всё-таки интереснее девчонок. Ниночка ни о чём не думала; она просто радовалась, что идёт в новое место, где большой сад, а в саду качели и разные ягоды, и потом ещё шоколад будет.

Только одна Люся казалась какой-то печальной. Она рассеянно слушала болтовню детей во время сборов, и бледное личико её сохраняло всё время серьёзное и сосредоточенное выражение. Казалось, в ней происходила какая-то внутренняя борьба.

– Мама! – сказала она вдруг решительно. – Я не могу идти, позволь мне остаться!

– Что с тобой, ты больна? – встревожилась мама.

Нет, Люся была здорова.

– За чем же дело стало?

Девочка густо покраснела и прошептала чуть слышно:

- Ты расскажешь другим, а это секрет!
- Разумеется, не расскажу, если это секрет!
- Ты смеяться будешь!
- И смеяться не буду!

Софья Павловна говорила так серьёзно, что девочка поневоле поверила. Она крепко-крепко прижалась к маме и, сильно конфузясь, потихоньку созналась, что не хочет идти в гости, потому что без неё никто не накормит и не напоит её куклу, а беленькая Наташа привыкла в пять часов пить молоко.

Оказалось, что Люся каждый день, в определённые часы приносила своей кукле всё то, что получали сами

дети, и с этой целью после каждого блюда оставляла нарочно несколько кусочков на своей тарелке.

Мама нежно обняла девочку и самым серьёзным образом обещала вовремя напоить куклу и вообще сделать всё то, что ей прикажет дочка.

– Так, значит, молока твоей Наташе нужно дать в пять часов?

– Да, только, знаешь, не слишком холодного!.. – обрадовалась Люся.

– Быть может, Наташа со сладкой булочкой привыкла пить? – обстоятельно расспрашивала мама.

– Нет, уж лучше с сухариком. Ты ведь всегда говорила, что сухарики маленьким детям полезнее.

– Ну, с сухариком, так с сухариком, – согласилась мама.

Теперь Софья Павловна знала, почему Люся никогда не доедала свой сладкий сухарь.

А успокоенная девочка присоединилась к остальным детям, и они наконец отправились в гости.

Глава VI

МАЛЕНЬКИЙ БАРОН

Между тем на вилле баронессы фон Фолькенштейн уже всё было приготовлено для торжественного приёма. В большой лепной столовой, окнами в сад, стоял роскошно сервированный стол. Он был уставлен всевоз-

можными фруктами, печениями, тортами, посреди его в японской вазе возвышался красивый букет из белых роз и левкоев.

Клеопатра Ивановна не прочь была прихвастнуть перед своей менее богатой подругой и очень желала, что называется, пустить пыль в глаза Софье Павловне.

Когда мадемуазель Анжелик, быстроглазая и востроносая француженка, правая рука хозяйки и бонна Базиля, пришла доложить ей, что всё готово, баронесса сама отправилась в столовую, ещё раз окинула критическим оком всю сервировку стола и осталась довольна.

Между тем виновник торжества, маленький барон фон Фолькенштейн, мрачно прогуливался взад и вперёд по большой террасе перед домом. Это был мальчик лет десяти, но, благодаря очень небольшому росту, он казался несколько моложе своих лет. Полный и неуклюжий ребёнок с одутловатым лицом производил неприятное, почти отталкивающее впечатление: что-то недоброе и в то же время тупое светилось в его маленьких глазках с красными веками и белесоватыми ресницами.

Матери он казался прекрасным, и она баловала его без памяти, находя даже его самомнение и надменность в высшей степени аристократичными.

В настоящую минуту Базиль был сильно не в духе и крайне недоволен своей маменькой. Через прислугу и мадемуазель Анжелик он уже знал, что Софья Павловна – женщина небогатая и вместо прекрасной виллы занимает с семьёй только небольшую дачу. Ему уже представилось, какими непременно неуклюжими и смеш-

ными должны быть эти несчастные дети, как они будут поражены великолепием их дома и также станут заискивать перед ним.

В эту минуту наши маленькие друзья показались у ворот великолепной виллы фон Фолькенштейнов. Мадемуазель Анжелик начала представлять гостей маленькому барону.

Француженка была приятно удивлена видом гостей: девочки были прелестны, а стройный и высокий Коля рядом с неуклюжим бароном казался настоящим принцем.

Базиль, в свою очередь, был неприятно поражён. Особенно его злили красота и высокий рост Коли. Он очень холодно протянул ему руку, едва удостоивая поклона, с Ниночкой Базиль вовсе не счёл нужным здороваться и только перед хорошенькой Люсей, которая ему сразу очень понравилась, маленький барон любезно расшаркался.

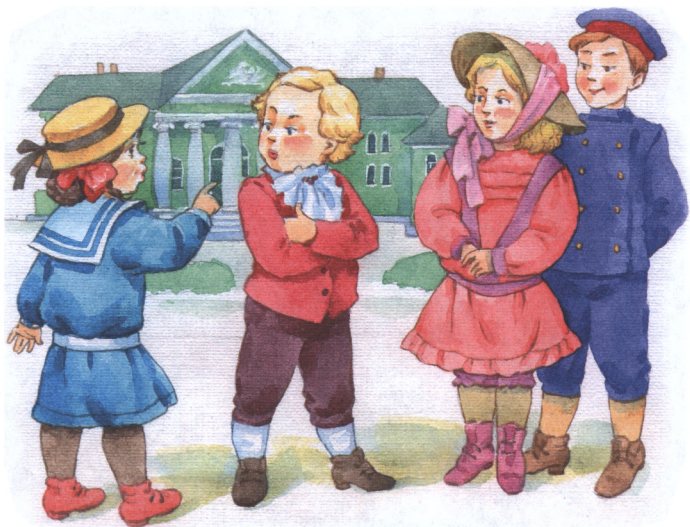
Ниночка нисколько не обиделась такому невниманию к своей особе. Расставив, по обыкновению, толстые ножки и закинув кверху свою смешную мордочку, она уставилась на Базиля самым бесцеремонным образом и принялась его разглядывать с ног до головы.

– Ты плакал? – спросила она совершенно неожиданно.

– С чего ты взяла? – возмутился Базиль.

– А отчего у тебя глаза такие красные? Тебя нянька ругала?!

– У меня не нянька, а бонна, – важно поправил Базиль, – и меня никто ругать не смеет!

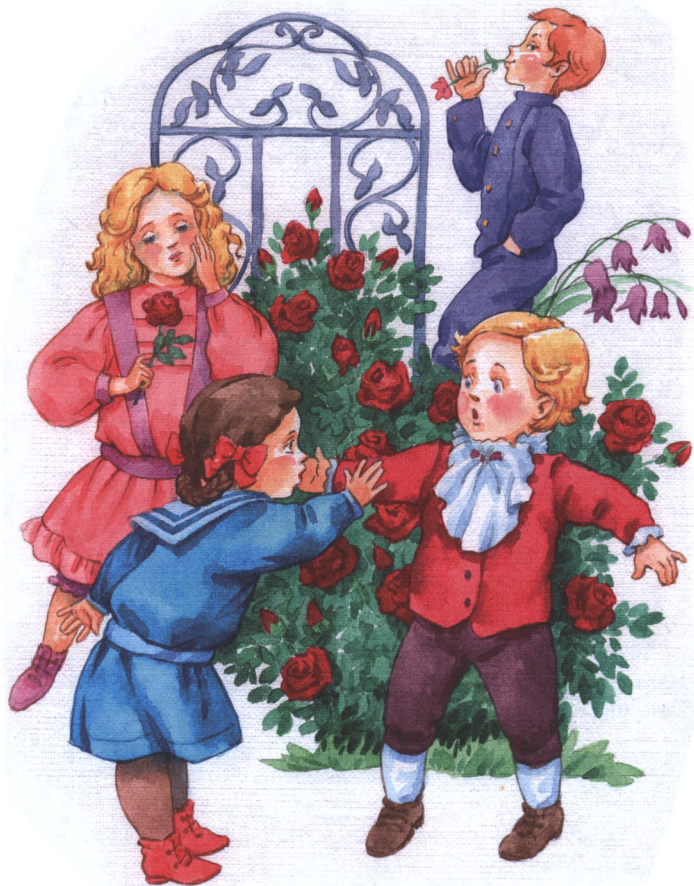
– Неужто не смеет? – удивилась Ниночка. – Какой ты счастливый!

И девочка тихонько вздохнула, вспомнив про свою Аришу.

Коля едва удерживался от смеха; надутая важность Базиля сразу оттолкнула мальчика, и он был рад, что Ниночка уже успела рассердить его.

Но Люся поспешила замять этот неприятный разговор и, желая отвлечь внимание детей в другую сторону, обратилась с любезной улыбкой к Базилю:

– Пожалуйста, покажите нам ваш цветник, я слышала, у вас чудный сад?

Маленький барон, польщённый её вниманием, охотно согласился. Дети спустились с террасы и все вместе отправились в сад.

Люся, словно бабочка, порхала между кустами роз, любовно заглядывала в самую чашечку цветов, вдыхала в себя их нежный аромат и вся сияла от восторга. Базиль с трудом поспевал за ней, стараясь как-нибудь отделаться от противного карапуза, но толстенькая Ниночка следовала за ним по пятам. Наконец он улучил минуту, когда Люся с восхищением остановилась перед кустом тёмно-пунцовых роз. Базиль вырвал из них самую маленькую и плохонькую и с видом галантного кавалера передал её Люсе.

– Зачем вы сорвали бедную розу! – с сожалением сказала девочка, которой было так жаль цветочка: ведь он умрёт теперь.

– И мне, и мне! – закричала Ниночка. – Я хочу вот эту, самую большую!

И, забыв строгие наставления мамы, она уже собиралась схватить прямо за чашечку прелестную, еле распустившуюся пунцовую розу...

– Как ты смеешь! – гневно закричал Базиль, сердито отталкивая пухленькую лапку Ниночки. – Я больше не желаю рвать цветов!

– Возьми мой! – равнодушно предложила Люся и протянула свою розочку огорчённой сестре, к большому неудовольствию Базиля.

Дети столпились возле террасы, где стоял маленький элегантный велосипед. Коля с интересом разглядывал его устройство.

– Пусти меня, я первая! – кричала Ниночка, отталкивая брата и стараясь ухватиться за руль.

– Пожалуйста, не трогай! – повелительным тоном заявил Базиль. – Ты сломаешь велосипед, а его папе из-за границы прислали, он очень дорого стоит.

– А как же ты сам на нём едешь? – не без иронии спросил Коля. – Не боишься сломать его?

– Я другое дело, я умею! – важно ответил Базиль.

– Ну, а если умеешь, так покажи! – выкрикнула Нина.

«Какая несносная девчонка!» – подумал с досадой Базиль, который действительно ездить не умел и только похвастал.

– Я вовсе не желаю вам ничего показывать! – недовольным тоном заявил он. – Я не расположен сегодня!

– Врёт! – уже громко расхохоталась Ниночка, насколько не обращая внимания на явную досаду маленького барона.

К счастью, в эту минуту на террасе раздался картавый голос мадемузель Анжелик:

– Дети, проходите в комнаты!

Дети направились в столовую.

– Если б ты знала, как мне хочется уйти домой, – шепнул Коля старшей сестрёнке.

– И мне! – призналась Люся. – Но мама не велела Арише возвращаться ранее семи часов!

Одна только Ниночка вовсе не разделяла подобного желания брата и сестры. Она успела уже порядком проголодаться и с нетерпением ожидала обещанного шоколада.

– Ну, чем угощать будете? – весело спросила Ниночка, входя в столовую.

Она подошла к столу, приподнялась на цыпочки и бесцеремонно принялась разглядывать всё, что на нём было поставлено. Особенно ей понравился круглый миндальный торт.

– Посмотри-ка! – указала она на него пальчиком Базилью. – Вон видишь там, справа, маленький кусочек совсем почти отпал, отломи-ка его мне!

– Пожалуйста, не рассчитывай! Это поставлено вовсе не для таких, как ты, а для настоящих гостей! – с ехидной усмешкой заметил Базиль.

– Значит, и ты не получишь? – простодушно спросила Нина.

Базиль злобно усмехнулся.

– Ну, я другое дело, – ответил он, отчеканивая каждое слово, – мне всё можно: я тут хозяин!

Говоря это, мальчик старался принять как можно более гордую и величественную осанку.

– Хозяин?! – девочка посмотрела на его надутую физиономию и залилась громким, неудержимым смехом. – От горшка два вершка!

Взбешённый Базиль густо покраснел, ему вдруг страшно захотелось отколотить несносную девчонку.

– Послушай! – начал он задышающим от волнения и злобы голосом. – Если ты ещё раз осмелишься повторить это, то... – сжатые кулаки Базиля довольно ясно договорили его недосказанную мысль.

– То будет что?! – послышался вдруг холодный, сдержанный голос Коли и, заслоня собой сестру, он с вызывающим видом остановился перед маленьким бароном.

Оба противника смерили друг друга взглядом, и Базиль невольно попятился. Коля был на целую голову выше Базиля, и его лицо дышало такой отвагой, что кулаки маленького фон Фолькенштейна сразу разжались. Он понял, на чьей стороне будет победа в случае стычки.

– Ведь я, разумеется, только пошутил! – небрежно заметил он, – разве дерутся с гостями?

– Я так и понял, что это шутка! – так же небрежно ответил Коля, бесцеремонно поворачиваясь спиной. – Разве дерутся с девочками?

Ниночка была очень разочарована: она так надеялась, что этот молодчина Коля здорово вздует своего противника. А Люся решила никогда больше не приходить в этот богатый, но малосимпатичный дом. «Не уйти ли нам сейчас же?» – подумала Люся и посмотрела в сторону брата.

Но было поздно: в дверях столовой показалась величественная фигура баронессы.

Глава VII

ЗА ШОКОЛАДОМ

Клеопатра Ивановна милостиво протянула кончики своих пальцев Люсе и Коле, слегка потрепала по щёчке Ниночку и томно опустила в кресло, рассматривая детей в лорнет.

Гостей усадили за стол. Лакей во фраке и белом галстуке принёс большой серебряный поднос, на котором стояли чашки с шоколадом и корзинка с бисквитами.

Ниночка, как самая маленькая, получила свою чашку последней.

– Il vous faut beaucoup de sucre?* – любезно обратилась к ней француженка.

Ниночка поняла только слово «beaucoup» – «много».

– О да! Beaucoup, beaucoup! – поспешила ответить девочка, но затем, смекнув, в чём дело, решила воспользоваться правом гостии и объявила, что положит себе сахар сама. Дома ей этого, конечно, не позволяли.

Лакей с серьёзным видом пододвинул к ней серебряную сахарницу и щипчики.

«Зачем это?» – соображала Ниночка, откидывая неудобные щипчики в сторону. Не долго думая, она опрокинула всю сахарницу на стол и, к полному смущению Люси и Коли, преспокойно принялась рукой выбирать себе самый крупный кусочек.

Базиль презрительно усмехнулся.

– Какая невоспитанная девочка! – недовольным тоном по-французски заметила баронесса.

Клеопатра Ивановна почему-то полагала, что кроме них никто французского языка не знает. Ей и в голову не приходило, что старшие дети Софьи Павловны объяснялись на этом языке не хуже её самой. Люся и Коля через силу глотали опротивевший шоколад и не могли дожидаться, когда их отпустят домой.

Мадемуазель Анжелик нарезала тоненькими кусочками злополучный миндальный торт и любезно предложила детям. Люся и Коля отказались.

* Вам положить много сахара? (франц.)

– Мерси, мы недавно обедали! – вежливо поблагодарила Люся.

– Какой же недавно! Даже очень давно! – сердито перебила её Ниночка.

Она находила, что куски ужасно малы, и потому взяла себе два.

Девочка бросила торжествующий взгляд через стол, где сидел против неё Базиль. Но тот ничего не заметил. Не менее жадный, чем сама Ниночка, он серьёзно был занят своим шоколадом и допивал уже вторую

чашку. Базиль молча запихивал себе в рот огромные куски торта, сопел, чавкал и, нужно сознаться, в эту минуту менее всего походил на благовоспитанного маленького барона.

Остальные за столом пили и ели молча, точно совершая какой-то священный обряд.

Наконец, к искреннему облегчению Коли, Клеопатра Ивановна отставила свою чашку и сделала знак детям, что они могут встать из-за стола, если желают.

– Позвольте нам пойти в сад? – робко попросила Люся, приседая перед баронессой и благодаря её за шоколад.

– Что ж, идите, если вам скучно тут! – недовольным тоном протянула Клеопатра Ивановна.

Люся смутилась, но подвижный Коля тоже наскоро расшаркался перед баронессой и, не дожидаясь её разрешения, выбежал на террасу, увлекая за собой сестру.

– И я, и я с вами! – закричала Ниночка, поспешно доедая торт; она боялась остаться одна с этой пучеглазой баронессой.

Вся красная от волнения, сорвав с пухленькой шейки повязанную салфетку и даже не вытерев измазанные шоколадом губы, девочка быстро соскочила со стула, шаркнула толстой ножкой и бросилась догонять брата и сестру.

Отяжелевший Базиль медленно и лениво последовал за детьми.

– Покажите нам теперь ваш фруктовый сад! – предложила Люся.

После сытного шоколада Базилью не особенно хотелось двигаться, но он себя пересилил.

– Ладно. Только нужно позвать мою бонну и Федота, – сказал он.

– Зачем? – спросил изумлённый Коля.

– Мадемуазель Анжелик тут для того, чтобы ходить за мной, – надменно ответил Базиль. – И маменька так хочет!

– Ну, а Федот зачем?

– Как зачем? – удивился Базиль. – Разве я знаю, что мне может прийти в голову? Он всегда меня сопровождает. Если я забываю игрушки дома, кто же побежит за ними? А иногда мне вдруг пить захочется, или я устану и мне нужно подушку принести, да мало ли ещё что! Он мой лакей и должен служить мне!

– И маменька так хочет! – усмехнулся Коля.

– Да, конечно! – важно ответил Базиль, не заметив иронии. – А у вас есть лакей? – не без ехидства спросил он, ожидая, что сконфузит детей.

Но Базиль сильно ошибся – его гости только весело расхохотались.

– Слава Богу, нет! – ответил Коля. – С нас и Ариши одной довольно, мы и от неё-то не знаем, куда бы убежать подальше!

На террасе показалась мадемуазель Анжелик. Базиль объявил ей, что желает идти гулять. Француженка

беспрекословно раскрыла зонтик и позвала Федота. Под конвоем, как мысленно выразился Коля, дети отправились сначала в липовую аллею, а затем оттуда во фруктовый сад.

Желая оказать внимание, мадемуазель Анжелик сорвала три чудесных спелых яблока и любезно предложила их гостям. Но увы, за это внимание она дорого поплатилась.

– Как вы смеее так самовольно распоряжаться тут! – сердито набросился на неё Базиль. – Разве вы не знаете, что во всём фруктовом саду только три дерева такой породы, и папа эти яблоки не велел никому трогать, он их только для себя бережёт!

Бедная мадемуазель Анжелик совсем растерялась. Люсе стало жаль её.

– Merci, mademoiselle, vous êtes bien bonne!* – к великому изумлению Базиля, заговорила она по-французски. – Нам не нужно яблок, после шоколада мы ещё слишком сыты. Но позвольте мне поцеловать вас! – и, поднявшись на цыпочки, крепко поцеловала мадемуазель Анжелик в смуглую щеку.

Юркие мышинные глазки француженки засветились тёплой улыбкой. Бедная бонна вспомнила в эту минуту, сколько обид и незаслуженных оскорблений она вынесла от своего воспитанника, и вдруг с непривычной для себя сердечностью прижала к груди светлую головку девочки.

Коля, разумеется, также отказался от яблока и при этом нарочно с особой почтительностью поблагодарил мадемуазель Анжелик. Только Ниночка отнеслась совсем иначе к делу. «Экий жадина! – подумала она, невольно употребляя выражение Коли, которое он адресовал обычно ей самой. – Нарочно возьму самое большое яблоко, чтобы позлить Базиля!»

Между тем Базиль, заметив отношение детей к его бонне, почувствовал некоторую неловкость и, желая загладить свою прежнюю резкость, выбрал из трёх яблок самое спелое и любезно поднёс его Люсе.

– Возьмите, пожалуйста, от меня, – сказал он, – вы можете отнести домой, если сейчас не хотите есть.

* Спасибо, мадемуазель, вы так добры! (франц.)

Базиль был убежден, что против такой любезности устоять невозможно! Но Люся даже не прикоснулась к яблоку.

Маленький барон оказался в довольно неприятном положении, но тут, к счастью, неожиданное обстоятельство обратило всеобщее внимание совсем в другую сторону.

– Осторожно, осторожно, маленькая барышня! – закричал вдруг Федот бежавшей впереди всех Ниночке. – Остановитесь, барышня, у забора собака, она кусается!

Действительно, со стороны забора, который отделял фруктовый сад от остальной части сада и куда теперь

направлялись дети, слышался громкий неистовый лай и порывистое звяканье цепи.

Коля бросился вслед за Ниночкой и едва нагнал её в десяти шагах от будки большой чёрной собаки, привязанной на цепь. Нептун, как звали собаку, так свирепо лаял, что невольно становилось страшно; казалось, что вот-вот он сорвётся с цепи и бросится на детей!

– Господи, на что вам такая злая собака? – испуганно проговорила Люся, слегка бледнея.

– Нептун наши яблоки сторожит, он должен быть злым, – важно заметил Базиль. – Днём его держат на цепи, потому что он на всех бросается, а на ночь спускают на волю. Я не завидую тому вору, который попадёт в зубы Нептуну!

– Не лучше ли держать сторожа? – не могла успокоиться Люся.

– Сторож есть, барышня, – почтительно ответил Федот, – но одного сторожа мало.

– А двух сторожей держать невыгодно, они обходятся слишком дорого! – наставительно добавил Базиль, обращаясь теперь к одной только Люсе, других детей он не устаивал своим вниманием. – Их приходится кормить и жалованье платить, а собаку нужно только кормить!

– Да и то впроголодь! – не утерпел Коля, которому рассудительность Базилья была довольно противна.

Мальчик любил животных, и ему жаль было бедного Нептуна, привязанного на цепь. Нашарив в кармане хлебную корку, он бросил её собаке и не мог не заметить, с какой жадностью набросился на неё Нептун.

– Ты, верно, из экономии не кормишь свою собаку? – насмешливо спросил Коля, нисколько не обращая внимания на важный тон Базиля.

– Нептуна и не следует слишком откармливать, – холодно ответил мальчик, – иначе он обленится и не будет достаточно злым.

«Чем это тебя-то так хорошо откормили, что ты стал одновременно и таким ленивым, и таким злым!» – с досадой подумал про себя Коля и, повернувшись спиной к маленькому барону, молча пошёл вперёд.

Федот придержал собаку, и дети прошли в калитку в ту часть сада, которая называлась парком и постепенно переходила в большой, густой лес.

Глава VIII

МЕЧТЫ МАЛЕНЬКОГО БАРОНА

Парк был довольно запущенным и потому казался детям гораздо живописнее и красивее сада с его подчищенными дорожками и симметрично разбитыми клумбами.

Дурное расположение духа Базиля понемногу улеглось. При виде искреннего восторга детей он и сам повеселел. Ему было чрезвычайно приятно, что парк производит такое сильное впечатление, и, желая похвастать перед гостями, Базиль начал пространно описывать и остальные владения баронов фон Фолькенштейн.

– Ну, это ещё что! – самодовольно улыбаясь, говорил мальчик. – Вот родовое имение папы, так это действительно прелесть. Там такие оранжереи в саду, вот вы бы посмотрели! Папа наши фрукты даже за границу посылает, и ему много денег дают, особенно за персики и ананасы. Когда папа бывает в духе, то он и мне даёт денег, и у меня тоже уже порядочно накоплено! – с гордостью добавил Базиль. – А у вас есть свои деньги? – обратился он к Люсе.

Базиль ожидал, что девочка сконфузится, и не совсем без умысла задал ей этот вопрос, но Люся только весело засмеялась и откровенно заявила ему, что у неё осталось всего десять копеек, да и то она не помнит, куда положила их. Базиль скорчил презрительную гримасу и важно объявил, что у него скоплено целых соток рублей.

Мальчик надеялся, что такая почтенная сумма карманных денег всё-таки произведёт на гостей впечатление. Увы, Люся как будто даже и вовсе не слышала, что он говорил, и продолжала внимательно рассматривать божью коровку, которую ей принесла Ниночка, а Коля спросил совершенно равнодушным тоном:

– Ну, что же ты думаешь сделать с этими деньгами?

– Я ещё не решил! – важно ответил Базиль. – Вчера я ездил с маменькой в нашу местную лавку, думал что-нибудь купить себе, но там решительно ничего нет порядочного, мы выбирали с татап* около часу,

* Мама (франц.).

перерыли всю лавку и так и ушли ни с чем! И представьте себе, хозяин лавки, кажется, злился на нас, – каково!

– Немудрено! – холодно ответил Коля. – Ты даром отнял у него время. Хоть бы уж какую безделицу купил в подарок кому-нибудь, если не нашёл для себя ничего подходящего!

– Вот ещё! – возмутился Базиль. – Буду я тратить свои деньги для других, я никогда подарков не делаю, каждый должен беречь для себя!

Коля лукаво подмигнул Люсе, и оба взглянули на Ниночку. Девочка почему-то вдруг сильно покраснела и засуетилась. Она чувствовала, что разговор принимает неприятный оборот, и всячески старалась заткнуть его.

– Господа, посмотрите, какой большой жук ползёт по дорожке! – заговорила она вдруг. – Коля, поймай его! Как ты думаешь, сколько у него ножек?

Но Коля невозмутимо продолжал:

– Итак, ты находишь, что каждый должен беречь деньги только для себя?

– Разумеется, для себя! Не для других же! – убеждённо ответил Базиль.

– Так, так! – усмехнулся Коля и поглядел на Ниночку. – Ну, а если окажется, что кому-нибудь очень нужны деньги, и он попросит тебя одолжить ему хоть немножко, ты как поступишь тогда?

Дети опять посмотрели на Ниночку. Девочка шла молча, только низко опустила головку и, казалось, внимательно рассматривала кончики своих ботинок.

– Конечно не дам! – быстро отрезал Базиль, испугавшись, что Коля собирается занять у него, и тотчас же добавил: – Я вообще никогда не даю займы – так же, как и папа.

– Однако подумай всё-таки, – не мог успокоиться неутомимый Коля, – если б эти деньги у тебя попросил кто-нибудь из близких, родных твоих, неужели ты и тогда бы не дал?

– Перестань! – шепнула Люся и тихонько дёрнула брата за рукав; она глазами указала ему на Ниночку.

Ниночка шла всё так же молча, низко наклонив голову, но уголки её губ обиженно опустились книзу

и слегка дрожали. Девочка быстро и усиленно мигала, всеми силами стараясь удержать непрошенные слёзы.

Коля никак не ожидал такого эффекта, и ему стало жаль сестренку.

– Ниночка, да где же твой жук? – заговорил он вдруг весело, не обращая больше никакого внимания на Базиля. – Давай-ка поймаем его поскорее!

Но вместо ответа девочка только замотала головкой и, прижав к глазам маленькие кулачки, быстро побежала вперёд. Мальчик собирался бежать за ней, но Люся снова дёрнула его за рукав и удержала.

– Оставь её! – сказала она тихонько. – Она так скорей успокоится!

Коля нехотя согласился, но тотчас же стал соображать, где бы ему действительно найти потолще и побольше жука, чтобы утешить Ниночку.

Между тем Базиль, убедившись, что никто не собирается просить у него взаймы денег, совершенно успокоился и даже как будто повеселел.

Он начал снова хвастаться и не без гордости сообщал своим гостям, что его папа приобрёл около здешней виллы довольно значительный участок земли на его собственное, Базиля, имя!

– Теперь, конечно, эта земля не представляет особой ценности, – продолжал мальчик деловым тоном взрослого, – но папа думает, что со временем тут пройдёт железная дорога и тогда, разумеется, цена на этот участок сильно поднимется, а в таком случае, может быть, будет выгодно и продать его!

Впрочем, я ещё не решил, как поступлю, там будет видно.

– Я полагаю, тебе и решать не придётся! – заметил Коля, которому уже порядком надоело бахвальство мальчика. – Твой отец, конечно, лучше тебя знает, как ею распорядиться! Что ты понимаешь в делах!

– Ну, уж это извините, извините, – заволновался вдруг Базиль, и злобный огонёк вспыхнул в его серых глазах. – Во-первых, я прекрасно понимаю в делах, а во-вторых, земля куплена на моё имя и принадлежит мне одному! Мало ли ещё в будущем, что я задумаю устроить на этой земле!

– Например, банкирскую контору выстроишь! – не удержался Коля и насмешливо подмигнул Люсе.

– Ну, что ж, пожалуй, и банкирскую контору, – важно протянул Базиль, не заметив насмешки. – Или, быть может, винный завод устрою! Или просто какие-нибудь плантации разведу! – продолжал он, всё более и более увлекаясь своими будущими проектами.

– Плантации! – изумился Коля. – Какие плантации?

Базиль был очень доволен. Наконец-то ему удалось поразить этого нищего принца!

– Мало ли какие! – ответил он, рисуясь своей учёностью. – Рисовые, табачные, маисовые, наконец, сахарные...

– Стой! – закричал совсем повеселевший Коля. – Это чудеснейшая мысль! К чёрту и банкирскую контору, и винный завод! Валяй, братец ты мой, попросту плантации, сахарные плантации, богатейшая мысль!

И подвижное лицо Коли так и дрожало от сдерживаемого смеха, но он старался казаться серьёзным и всё более и более подзадоривал Базиля.

– Коля! – робко заметила не сразу смекнувшая, в чём дело, Люся. – Да разве сахарный тростник будет расти около Петербурга?

– Ах, матушка, что ты понимаешь! – оборвал её Коля. – Это у других не растёт, а у Базиля непременно будет расти, тут требуется только надлежащий уход! Заведи невольников, слышишь, невольников, и непременно чёрных! Так уж всегда бывает, где плантации, там и невольники!

– Однако где же достать их? – серьёзно спросил Базиль.

– Где достать? – Коля на минуту смутился, но только на минуту. – Экий чудак ты, братец мой, где достать? Ну, разумеется, у нас в Гостином дворе их давно уже больше не продают, нужно из Африки выписывать!

– Из Африки? – недоверчиво переспросил Базиль, соображая, где же такая Африка и далеко ли она будет от Петербурга. Он ещё географии не проходил.

– Ну, разумеется, из Африки! Скажи своему папе, пусть напишет только, и вам непременно оттуда целый большущий корабль негров пришлют! И вот представь себе: ты среди них как настоящий царёк разгуливаешь! А вокруг тебя какая благодать, подумай только! Куда ни повернёшься – всюду сахар, так и течёт, так и течёт, и есть ты можешь целый день, сколько хочешь, никто не запретит...

– Коля, Коля! – закричала вдруг радостно Люся, – Ариша пришла за нами, вон она, в конце аллеи!

И, позабыв даже попрощаться с Базилом, девочка побежала по дорожке навстречу няне.

– Прощай, плантатор, – весело расхохотался Коля, обрывая на полуслове свою речь.

Он так же, как и Люся, был несказанно рад появлению Ариши и, не обращая больше внимания на Базиля, вихрем помчался вслед за сестрой.

По дороге мальчик обогнал Ниночку.

– Нинка, за нами пришли! – закричал он ей. – Домой скорей, бежим!

Но Ниночка ничего не ответила; она только посторонилась и, пропустив брата, продолжала молча идти вперёд.

Казалось даже, девочка не расслышала его. Её раскрасневшееся личико сохраняло сосредоточенное выражение. Дело в том, что в маленьком сердце происходила в первый раз серьёзная борьба.

Между тем опешивший маленький барон с досадой смотрел вслед убежавшим детям и решительно не мог понять, серьёзно ли говорил с ним Коля или нет. И решил обратиться к Федоту.

– Эх, барин! – улыбнулся старый лакей, выслушав мальчика. – Ну какие тут плантации? Нешто под Петербургом сахарный тростник может расти! Да тут и овёс-то в иное лето едва поспевает! Экий шутник, право, барчук-то ваш!

И Федот добродушно засмеялся. Базиль чувствовал себя пристыженным, да ещё кем – своим собственным

лакеем! Он сконфуженно отошёл от Федота, почти до крови закусив свою губу; мальчик боялся расплакаться. Никогда ещё его самолюбие так не страдало!

Глава IX

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Между тем Коля и Люся стояли у калитки сада, спокойно выслушивая, как старшая горничная Клеопатры Ивановны важно сообщала им, что её превосходительство чувствуют себя не совсем хорошо и потому не могут принять их к себе, но просят передать поклон их маме и тёте. Дети облегчённо вздохнули и засобирались домой.

– А где же Ниночка? – поинтересовалась Ариша.

– Вон она, идёт к нам по дорожке, – отозвалась Люся. – Жаль, мы не попрощались с мадемуазель Анжелик...

Дети остановились, поджидая сестру. В эту минуту сбоку от них приотворилась небольшая калитка. Чья-то смуглая рука с чудесными кремовыми розами осторожно просунулась в отверстие...

– Мадемуазель Анжелик! – радостно вскрикнула Люся.

– Тс-с-с! – прошептала француженка, тревожно оглядываясь кругом. – Возьмите эти розы, они мои собственные...

Бонна смущённо сунула цветы удивлённой Люсе, и, прежде нежели девочка могла опомниться, маленькая калитка бесшумно захлопнулась.

Розы остались в руках у Люси, такие же нежные и хрупкие, как она сама. Девочка и не подозревала, что цветы распустились только сегодня утром, к несказанной радости мадемуазель Анжелик, на окне её маленькой одинокой комнаты.

– Посмотри, что за прелесть, Коля! Знаешь, я их отнесу мамусе. Какая роскошь! – не могла налюбоваться девочка.

Наконец появилась и Ниночка, необычно тихая и задумчивая. Все вместе они не спеша направились в сторону дома.

Ниночка продолжала молчать. Ей вспомнились вчерашняя удочка и прогулка в лавку... Что-то похожее на стыд шевельнулось внутри неё. Потом девочке снова пришёл в голову страшный и неприятный утренний сон: огромная рыба лежит, растянувшись на песке, и смотрит на неё большими укоризненными глазами, смотрит и качает, всё качает головой.

«Напрасно, матушка, качаешь головой! – мысленно обратилась Ниночка к таинственной рыбе. – Не качай, не качай! Мы тебя скоро поймаем!»

– Скажите, пожалуйста, до чего мы важные! – раздаётся позади насмешливый голос Коли.

Но Ниночка не обращает на брата внимания – им навстречу бежит Фенька, младшая дочь их прачки. Фенька частенько забегает к ним на двор, помогает Палаше на кухне и играет с детьми в пятнашки. Но Ниночка недолюбливает девочку за то, что та бегают быстрее, и называет её «уваликом» и «коротконожкой». В свою очередь, Ниночка называет Феньку «замарашкой».

Фенька и сегодня такая же нечёсаная и грязная, как всегда, к тому же на этот раз её старенькое платье совсем мокрое: Замарашка только что выкупалась в речке и, за неимением простыни, не стала вытираться и прямо так и накинула его на себя.

«А ведь ей, верно, холодно!» – подумала Ниночка, и в первый раз ей стало жаль Феньку.

– Замарашка, приходи завтра в пятнашки играть! – ласково кричит Ниночка вслед удаляющейся девочке.

– Спасибо, увалик, может, и приду! – весело отвечает замарашка и, дрожа всем худеньким тельцем, быстро спешит домой.

Вид нечёсаной Феньки почему-то сразу напоминает Ниночке ту нищую с детьми, которая недавно приходила на кухню и которой она пожалела дать старую картонку! И опять что-то похожее на стыд шевельнулось в её душе. Девочка невольно замедлила шаги и опустила головку, но ненадолго: видимо, сегодняшний день – день великих решений для маленького увалика.

«Вот что! – подумала Ниночка. – Когда опять придёт эта нищая, я ей, так и быть уж, непременно отдам эту картонку и, пожалуй, даже и саму несчастную Дарью туда положу! Пусть всё берут разом, всё!»

И Ниночке делается по-прежнему весело, и она бодро семенит ножками по большой дороге. А вот уж и дом близок, на горе среди зелени виднеется их маленькая уютная дачка, и что-то белое колышется у балкона – верно, мамусино платье.

Ниночка радостно смотрит вперёд и ещё ускоряет шаги...

– Мадемуазель, – раздаётся снова знакомый голос, – позвольте вам предложить руку и сердце! Куда вы так спешите?

Коля забегают вперёд, расшаркиваются и, галантно согнув руку, склоняется перед Ниночкой.

– Сударыня, вашу прелестную лапку! – при этом, однако, мальчик предусмотрительно отклоняет голову в сторону.

Но на этот раз, однако, его опасения не оправдываются: ничего особенно тревожного со стороны Ниночки не следует. Сударыня прячет свои прелестные лапки и на сегодня окончательно отвергает своего верного рыцаря.

– Ты видишь, я думаю! Пожалуйста, не мешай! – серьёзно объявляет девочка и важно проходит мимо.

«Ну, подожди же, матушка, я уж заставлю тебя заговорить со мной!» – думает Коля. Мальчик прибегает

к самому действенному и сильному, по его мнению, средству.

– Люся, – предлагает он, – так как Ниночка не желает с нами разговаривать, то мы с тобой разделим этот сухарик напополам.

Коля делает вид, что вынимает сухарик из кармана, а сам между тем внимательно и зорко следит за сестрёнкой.

Магическое слово «сухарик» производит некоторое впечатление на девочку. Она на минуту замедляет шаги, но только на минуту... И потом вдруг со всех ног бросается вперёд и скоро исчезает в знакомой соседней рощице, прилегающей к их даче. Изумлённые Коля и Люся медленно следуют за ней.

Глава X

Дома

Между тем мама и тётя Маша, сидя на балконе, ждали возвращения детей. Наконец у опушки рощицы показались яркие платица девочек.. Вот впереди всех важно шагает Ниночка, немного позади неё Коля и Люся, а там, подальше, грузно переваливается приземистая фигура Ариши...

Мама сразу оживилась и повеселела, но вдруг спохватилась:

– Ах ты Господи! Совсем забыла!

Она поспешно удалилась в комнату, где на полке стояло молоко и корзинка с хлебом.

– Что, что случилось? – окликнула её сестра.

Вместо ответа мама только громко и весело расхохоталась:

– Забыла ребёнка молоком напоить, и теперь страшно боюсь, что мне всерьёз достанется!

Она быстро наполнила молоком маленькую игрушечную чашечку, рядом положила кусочек сладкого сухаря и всё вместе осторожно и бережно отнесла на подносе в угол Люси, где сидела её разряженная Наташа.

Между тем под окном уже раздавались громкие детские голоса и были слышны их неровные маленькие шаги. Через мгновение в дверях балкона показалась Палаша с большим кипящим самоваром, и за ней весёлой гурьбой вошли дети, очень довольные, что наконец вернулись домой и сейчас будут пить чай.

Разумеется, прежде всего они начали передавать маме и тётё Маше свои дневные впечатления и как всегда при этом страшно торопились, путались и ежеминутно перебивали друг друга.

– Ну, хорошо, хорошо, потом доскажете, садитесь-ка скорее за стол! – торопила тётя Маша. – Небось, проголодались, да и поздно уже, спать пора!

Ниночка почему-то убежала в столовую и начала там озабоченно рыться в своём углу. Найдя наконец то, что требовалось, она бережно завернула это в розовую бумажку, потом так же бережно опустила свёрток в карман и, слегка придерживая рукой снаружи, словно боясь потерять, снова вернулась на балкон.

Против обыкновения, она послушно заняла своё место у стола, не лезла вперёд и терпеливо ждала своей очереди, пока тётя Маша передавала ей булки и чашку с молоком.

На радостях мама вспомнила, что у неё ещё осталось немного пастилы, и принесла её к столу. Коля, не без умысла, тотчас же принялся за дело и будто нечаянно разрезал пастилу на три неравные куса: один побольше, другой поменьше, а третий совсем маленький. Мальчик лукаво подмигнул Люсе и тихонько пододвинул тарелку Ниночке.

Ниночка инстинктивно протянула ручку к самому большому куску, но вдруг почему-то вся вспыхнула

и, после минутного колебания, скромно положила себе на тарелку самый маленький кусочек.

У Коли от удивления вытянулось лицо. Положительно мальчик не узнавал сегодня свою милочку!

– Не болит ли у тебя что-нибудь, моя кошечка? – тревожно осведомилась мама и начала щупать её лоб. – Нет, жару, кажется, нет! Посмотри и ты, Маша, – обратилась она к сестре.

Тётя Маша, в свою очередь, подошла к девочке.

– Язык! – скомандовала она.

Ниночка послушно высунула розовый язычок. Тётя Маша махнула рукой.

– Ничего нет! – успокоительно проговорила она и снова вернулась на своё любимое место у окна. – Кончай скорей молоко, Нинка! – добавила она. – И отправляйся спать. Ты просто устала, должно быть!

Ниночка всё так же послушно сняла салфетку, вытерла мокрый ротик и подбородок после молока и начала прощаться с присутствующими.

Эта процедура одинаково повторялась каждый день и состояла в том, что Ниночка поочередно обходила всех сидящих за столом и со всеми долго целовалась, особенно с мамой и Люсей. Коля терпеть не мог всяких лизаний, как он выражался, и каждый раз, когда очередь доходила до него, у них с Ниночкой неизменно начиналась возня, нередко кончавшаяся слезами со стороны девочки, а иногда и строгим вмешательством со стороны старших.

Коля и сегодня надеялся проделать то же самое. Когда Ниночка серьезно подошла к нему, вытянув вверх

своё личико, Коля ловким движением увернулся от неё. В два прыжка очутился у балконной двери и вприскок помчался в сад.

– Нинка, иди прощаться сюда! – крикнул он, убегая, надеясь, что она, по обыкновению, пустится за ним.

Но Ниночка добежала только до порога балконной двери и вдруг, снова что-то вспомнив, тихонько повернула назад.

– Я его завтра поцелую, тётя Маша, – спокойно проговорила девочка и молча последовала за Аришей, которая пришла за детьми, чтобы увести их спать.

На этот раз и тётя Маша казалась изумлённой:

– Уж не подменили ли нам по дороге нашу старую Ниночку, Ариша?

Няня увела детей, и на балконе остались одни тётя Маша и мама. Тётя Маша, по обыкновению, уткнулась в книгу; мама сидела у самовара и задумчиво глядела на догорающий вечер в открытое окно балкона.

Она рассеянно мешала ложечкой свой давно уже остывший стакан чаю и невольно прислушивалась к детским голосам в соседней комнате.

В детской, к немалой радости Ариши, сегодня тоже всё шло как по маслу. Ниночка покорно позволила намылить свои грязные руки, затем так же покорно протянула к Арише своё не менее грязное личико и, наконец, молча стояла всё время, пока нянька раздевала её и приглаживала щёткой непослушные вихры.

– В постель теперь, мать моя, и за молитву! – командовала Ариша.

Люся мылась и раздевалась сама и обычно долго лежала в своей постельке с аккуратно натянутым одеяльцем, дожидаясь Ниночку, чтобы вместе с ней помолиться на ночь, как они издавна привыкли. Ниночка редко ложилась без капризов. К вечеру она чувствовала себя усталой и большей частью молиться ей вовсе не хотелось. После долгой воркотни Ариши и уговоров сестры она решалась встать на колени и начинала нехотя повторять за Люсей:

– Помилуй, Господи, маму, тётю Машу, Люсю, Колю и так далее, и так далее...

Когда Ниночка на кого-нибудь из домашних сердилась, она упорно отказывалась во время молитвы

называть его имя. К немалой досаде няньки, это чаще всего случалось именно с её именем.

Но сегодня Ниночка была, по-видимому, особенно мягко настроена, а потому, когда Люся, заканчивая молитву, прибавила: «Помилуй также, Господи, Палашу и Аришу», Ниночка только на минуту запнулась, но затем тотчас же согласилась и проговорила:

– Ну, уж и Аришу помилуй!

– Удостоила, значит! – удивилась няня, думая, что дети закончили.

Однако Ниночка продолжала креститься, усердно тыча себя толстой ручкой то в лоб, то в грудь, то в животик – почему-то чаще всего в животик, – и при этом набожно приговаривала:

- Помилуй, Господи, бедного Нептуна... Дарью...
- Каку таку Дарью? – не утерпела Ариша.
- Мою Дарью... Несчастную! – пояснила Ниночка.
- За болванов не молятся! – сердито оборвала няня.

Не обращая внимания на слова няньки, девочка ещё раз повторила:

– Помилуй, Господи, бедного Нептуна, несчастную Дарью, нищую Феньку...

– Э, мать моя, да ты бы лучше уж всю улицу разом помянула! – снова не утерпела Ариша. – Что-то больно размолилась сегодня, сударыня! Смотри, не к добру это. Лучше кончай-ка скорей, молещница, да ложись спать!

– Няня! – укоризненно заметила Люся и сочувственно посмотрела на Ниночку.

Между тем Ниночка наконец окончила молиться. Она свернулась калачиком в своей постельке, натянула на себя одеяло и, зажмурив глаза, сделала вид, что засыпает.

– Спокойной ночи, Ниночка! – ласково проговорила Люся.

Однако ответа не последовало.

Ариша спустила шторы, затушила свечу и поправила лампадку у образа. Розовый свет её мягко разлился по комнате, освещая белые кровати детей и их нежные лица. Нянька набожно перекрестилась перед образом, затем повязала голову какой-то ситцевой тёмной

косынкой, надела старые войлочные туфли и, ещё раз убедившись, что дети уснули, тихонько притворила за собой дверь.

Глава XI

СЕКРЕТ НИНОЧКИ

Ниночка тихонько приподняла головку и посмотрела на сестру. Та сладко спала, закинув тонкие ручки за голову, её золотистые косы рассыпались беспорядочными прядями по подушке.

Ниночка, плотно прижавшись к решётке своей кровати, начала звать громким нетерпеливым шёпотом:

– Люся, Люся, проснись! У меня секрет, я хочу сказать тебе, Люся!

Чуткая Люся тревожно раскрыла глазки.

– Ты больна, что с тобой? Говори скорей, спать хочется, Нинка, уж поздно!

– Не смей спать, не смей! – ещё громче зашептала Ниночка. – У меня секрет, я хочу сказать тебе!

– Скажи завтра утром.

– Нет, нет, этого никак нельзя, нужно сейчас! – волновалась Ниночка. – А то я ещё раздумаю. Иди ко мне! Я скажу на ушко!

Делать нечего, Люся послушно откинула одеяло и, слегка ёжась от холода, босая и в одной рубашке, полезла на кровать Ниночки.

– Ну, говори скорей!

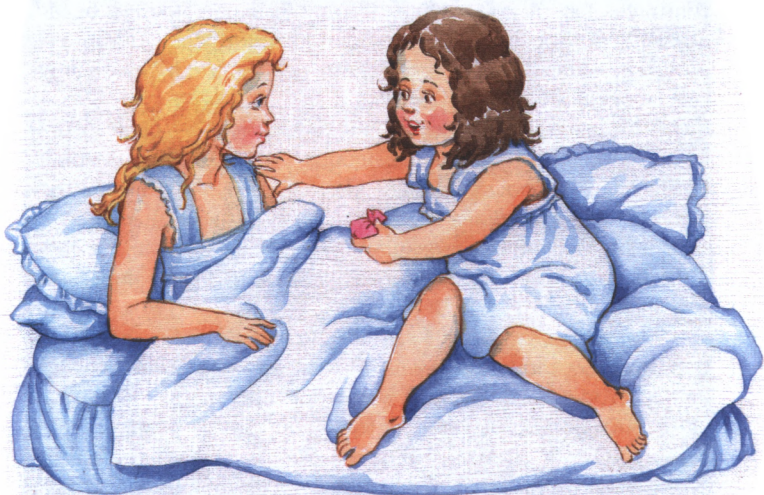
– Люсенька, я решила... Помнишь, Коля... удочку... Тридцать копеек не хватало... в лавке... Ну так вот, я решила, решила!..

– Да что ты решила?! – спросила со сна ничего непонимающая Люся.

– Как что?! – удивилась её непонятливости и равнодушию Ниночка, и, быстро засунув ручку под подушку, она вытащила оттуда какой-то свёрток в розовой бумаге и начала немного смущённо совать его в руки Люси.

– Вот, вот! Возьми!

Небольшая кучка медяков рассыпалась по одеялу.

Наконец-то Люся поняла, в чём дело! Так вот почему Ниночка была такая странная!

И сонные глаза девочки разом повеселели. «О, как будет рад Коля!» – подумала Люся; она посмотрела в покрасневшее, смущённое личико Ниночки и крепко и горячо обняла сестрёнку.

– Но когда же мы об этом Коле скажем? – спросила Люся.

– Конечно, сейчас! – быстро ответила Ниночка. – непременно сейчас! Знаешь, Люсенька, пойди разбуди его поскорей.

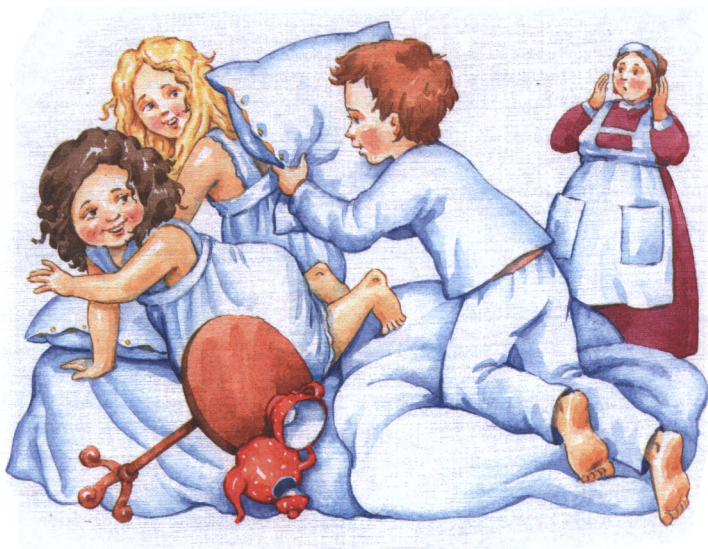
На этот раз даже благоразумная Люся не стала противиться. Ёжась от холода, в одной рубашонке и босая, девочка осторожно приотворила дверь в соседнюю комнату, где спал Коля, и боясь, что её услышат, на цыпочках прокралась к его постели.

К несчастью, Коля спал очень крепко, и бедной девочке пришлось довольно долго его будить. Наконец Колю таки удалось кое-как растолкать, и Люся в кратких словах поспешила сообщить ему, в чём дело.

Мальчик одним прыжком очутился в детской, и оба вместе с Люсей тотчас же забрались на постельку к Ниночке.

– Молодчина, Нинка, люблю, спасибо, молодчина! – с восторгом повторял мальчик, и на этот раз сам обнял сестрёнку. – Ну, как сказано, так и будет, первая щука – тебе! Во какая! – и он широко расставил свои худые смуглые руки. – Но когда же мы за ней пойдём?

Решено было идти завтра же после обеда, не откладывая.

Между детьми началась обычная возня, никто из них больше не слушал увещаний благоразумной Люси. Коля с Ниной начали прыгать по постелям, началась общая свалка, в которую затащили и Люсю. Среди этой возни кто-то из детей случайно покачнул ночной столик, на котором стояли чайник и любимая чашка Ариши, и посуда с грохотом покатилась на пол.

В эту минуту дверь в детскую шумно распахнулась, и на пороге показалась оторопевшая фигура Ариши.

Против ожидания, однако, на этот раз нянька не проронила ни единого слова. Она посмотрела на разбитую

чашку и, захлопнув за собой дверь, направилась к Софье Павловне.

Софья Павловна в ночной кофточке сидела перед зеркалом и медленно расчёсывала волосы, когда перед ней предстала расстроенная Ариша.

Гребень выпал из рук Софьи Павловны...

– Животик, опять! – с ужасом простонала она и, не слушая няню, кинулась в детскую.

Между тем после ухода Ариши дети сразу затихли и смущённо поглядывали друг на друга. Они были убеждены, что Ариша побежала за тётей Машей, и теперь не без тревоги ожидали её прихода.

– Порки не миновать! – убеждённо проговорил наконец Коля после общего минутного молчания.

Ниночка от страха зарылась головой в подушки, оставляя наружу свою спинку и розовые ножки.

– А Ниночка так даже и приготовилась уже! – не смотря на весь трагизм минуты не утерпел Коля.

Бедная девочка, всё ещё не подымая головки, поспешно начала обдёргивать коротенькую рубашонку. В эту минуту в детскую вбежала Софья Павловна.

– Ниночка, где болит?!.. – ещё издали начала она встревоженным голосом и в недоумении остановилась...

Посреди комнаты, в одних рубашонках и босые, перед ней стояли дети, смущённо и виновато опустив головы.

– Господи, да они совсем голые! Люся, ты с ума сошла, давно ли кашлять перестала?!

Мама начала поочерёдно с беспокойством ощупывать холодные ножки и заботливо укрывать их всем, что только попадалось ей под руку.

– Однако что же случилось? – наконец спохватилась она и вспомнила, что ей следовало бы начать со строгого допроса. – Что случилось?! – повторила она, сдвигая брови и стараясь принять серьёзный вид.

– Мамочка, дорогая, прости ради Бога! – начала, как всегда, первой Люся и, как ей казалось, начала с самой главной вины. – Мы, право же, не нарочно разбили эту чашку, совсем нечаянно вышло!

– Какую чашку?

– Да вот, Аришину! – робко указала девочка.

– Мы, видишь ли, мамуся, немножко в войну играли... Так, совсем немножко, ну, и конечно... – вмешалась Ниночка, но не договорила и, завладев рукой Софьи Павловны, начала тереться об неё своей пухленькой щёчкой, как маленький котёнок.

– В войну?! Ночью? – недоумевала мама. – Вы с ума сошли?!

– Ну да, в войну! – несколько смущённо подтвердил Коля.

Мальчик хотя и храбрился, но в душе также был рад, что пришла Софья Павловна, а не тётя Маша.

– Разумеется, это несколько странно, пожалуй, – согласился он, – хотя, видишь ли, тётя Соня, всё это, можно сказать, совсем неожиданно у нас вышло, мы немножко развозились, а тут, как нарочно, вошла Ариша... А если уж говорить по правде, то всё началось у нас с удочки!

– Какой удочки?!

– Ну, с той, что в окне висела, с красным поплавком! – пояснила Ниночка и вдруг обвила ручками шею матери, начала быстро умолять:

– Мамуся, золотая, миленькая, отпусти ты нас завтра в лавку за удочкой, а то, пожалуй, лавочник продаст её, и Коле ничего не останется, а он обещал мне большую-большую щуку поймать!

– Да, да, непременно отпусти! – подхватили и другие дети и теперь все трое разом повисли на шее Софы Павловны.

– Да скажите вы, ради Бога, наконец, о какой это удочке вы всё время толкуете?! И почему вы затеяли этот разговор именно теперь, ночью?! – по-прежнему недоумевала мама.

Дети принялись с одушевлением и все хором объяснять ей, в чём дело, причём каждый говорил про своё, спешил, перебивал остальных и ни один из них не слушал другого.

Мама решительно ничего не понимала. Да всё это было и не важно в настоящую минуту! Главное, все трое сидели вот тут перед ней и были вполне здоровы и счастливы; она слышала их звонкий детский смех, она видела их покрасневшиеся, весёлые личики... Маме сделалось вдруг так легко и весело, точно она сама в эту минуту стала маленькой, и не будь уже так поздно, она была бы готова вместе с детьми шалить и смеяться.

– Мы завтра все вместе и отправимся в лавку за вашей замечательной удочкой, идёт? – предложила она.

– О, мамочка, что ты за дуся! – закричали девочки хором.

– Тётя Соня, ты лучшая тётка из всех тёток в мире! – торжественно заявил Коля и в порыве восторга начал прыгать по постели.

Люся начала просить маму позволить ей купить в лавке новую чашку и чайник для Ариши.

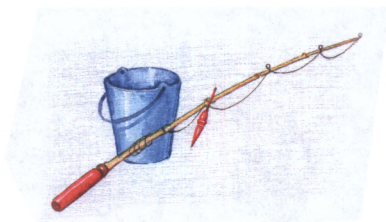
– Ну, разумеется, – ласково согласилась мама, – но только, дети, уговор дороже денег! – поспешила прибавить она. – Мы едем завтра в том случае, если вы сейчас же смирно уляжетесь по постелям и дадите мне честное слово, что больше ни возиться, ни шалить не будете.

Дети готовы были согласиться на что угодно.

Раньше всех заснула Ниночка – добродетель всегда отличается хорошим, спокойным сном. Гораздо дольше не могла заснуть Люся; она всё ещё находилась под впечатлением дневных событий. Дольше всех ворочался в соседней комнате Коля, возбуждённо мечтая то о желанной удочке, то о предстоящей на завтра прогулке.

А Софья Павловна, убедившись, что все наконец улеглись, медленно вернулась к себе, полная того тихого и глубокого счастья, которое известно только матерям.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава I. Ссора</i>	3
<i>Глава II. У Ниночки болит сердце</i>	9
<i>Глава III. Нищая</i>	14
<i>Глава IV. Малиновый крем</i>	23
<i>Глава V. Дети собираются в гости</i>	32
<i>Глава VI. Маленький барон</i>	38
<i>Глава VII. За шоколадом</i>	47
<i>Глава VIII. Мечты маленького барона</i>	56
<i>Глава IX. Возвращение домой</i>	65
<i>Глава X. Дома</i>	70
<i>Глава XI. Секрет Ниночки</i>	78

Офросимова Е. А.

О-91 Ниночка / Елизавета Офросимова ; худож. Е. Володькина. – М. : ЭНАС-КНИГА, 2012. – 88 с. : ил. – (Заветная полка).

ISBN 978-5-91921-118-1

Шестилетняя толстушка Ниночка – несносный ребенок. Она не только забияка и грязнуля, но ещё и жадина. Тем не менее все домашние любят её и искренне надеются на то, что девочка исправится.

Вместе со своей сестрой Люсей и кузеном Колей Ниночка попадает в ряд переделок – и начинает задумываться о своём поведении и об отношении к себе окружающих...

УДК 82-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)

Литературно-художественное издание

для младшего школьного возраста

Офросимова Елизавета Александровна

НИНОЧКА

Художественный редактор *А. Н. Корниенко*
Технический редактор *Н. В. Савостьянова*
Компьютерная верстка *Н. В. Булыги*
Корректор *М. В. Серебрянцева*

Подписано в печать 10.06.2012. Формат 70×90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Myriad Pro.
Усл. печ. л. 7,6. Уч.-изд. л. 7,3.
Тираж 3000 экз. Изд. № 1000. Заказ № 1610.

ЗАО «ЭНАС-КНИГА».
115114, Москва, Дербеневская наб., 11.
Тел. (495) 913-66-30. E-mail: sekr@enas.ru
<http://www.enas.ru>
Отдел реализации.
115114, Москва, Дербеневская наб., 11.
Тел. (495) 913-66-20. E-mail: seller@enas.ru
Фирменный магазин «Специалист».
115201, Москва, Каширский проезд, 9, стр. 1.
Тел. (499) 619-48-09. E-mail: magazin@enas.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
издательством материалов в ОАО "Тверской ордена Трудового Красного
Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР".
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

